

Андрей Кнышев

О ЗИНОВИИ ПАПЕРНОМ

Зиновий Паперный для меня – что-то сокровенное, личное, «наше с ним», что не передать никакими буквенными сочетаниями. Пробовал. Не получалось. За столом, в тостах, в интервью-воспоминаниях по радио, пытался рассказывать друзьям. Оставался всегда осадок неудовлетворенности, неловкости, неправды. Как будто что-то главное не досказал, не передал, не вспомнил.

Что ж, попробую в очередной раз. Ведь обещал же являться к нему «по первому-паперному зову». И вот - 100-летие!

Заранее извиняюсь, ведь опять получится не только о нем, но и о себе, и «об объективной реальности, данной нам в ощущениях».

Так вот, об ощущениях. Есть *он*, Паперный, и есть это, «*оно*», - то, что остается со мной и между нами с ним. Вот без усилий слегка напряг что-то, то ли в диафрагме, то ли в мозжечке, – и вот же он, реальный, явился, материализовался, стоит рядом, или парит в воздухе, живой, ироничный, свой, знакомый, подглядывает в этот обрывочный текст сердито-заинтересованно. Как же здорово было бы поговорить с ним, и освежить кое-что в памяти.

Это был *мой* человек. Да не возревнуют другие, для многих из которых он был не менее своим, «ихним». Ихнего я не трогаю, а своего не отдам. Зямой я, конечно, не мог его называть, ни по чину, ни по возрасту, даже в третьем лице, хотя знал что для близких он именно Зяма. Но возрастной дистанции я совершенно не чувствовал. А уж если совпали бы во времени – наверняка «корешили по-пацански».

Я не знал его молодым (в паспортно-календарных параметрах), но чувствовал как же он молод духом. И знал я его недолго, в его последние, «зрелые» годы. Но с первой же секунды знакомства возникло то самое ощущение, что это родной человек, любимый родственник, старший брат, наставник, и старый близкий друг. Дружище. Человечище. Для меня услышать однажды впервые по телефону его хриловатый характерный голос: «Здравствуйте, Андрей. Это говорит Зиновий Паперный... Я тут купил вашу книгу в Доме литераторов...» - было все равно что услышать, что звонит Ильф-и-Петров, или Гоголь, или Пушкин. Ну как минимум Станислав Ежи Лец. Как для него - ну, наверное, что ему звонил бы сам Антон Павлович Чехов, творчеством которого Паперный занимался глубоко и профессионально как талантливый литератор и как талантливый человек. А быть талантливым *человеком*, талантливым *по-человечески* – это не то же, что быть талантливым писателем, художником или артистом.

В общем, соприкоснуться с Зиновием Паперным было – как в известном анекдоте, все равно что для чекиста подержаться за маузер Дзержинского. Для меня он был человек-эпоха, по меньшей мере ее неотъемлемая часть, человек легендарный (во всяком случае в «культурных знающих кругах»), полу-опальный, недостижимый по уровню юмора, воплощение и сочетание литературного вкуса, ироничного стиля, эрудиции, харизмы, интеллигентности, и в то же время простоты и доступности, носитель какой-то особой литературной традиции, культуры, неповторимой интонации. К сожалению, как показало время, культуры уходящей, почти ушедшей еще пару десятилетий тому назад...

Почему-то вспомнилось, как коробило его это выражение: «пара лет», «пара остановок», «пара человек». Парой, в его понимании, могло быть нечто, состоящее из мужчины и женщины, супругов, влюбленных, или каких-нибудь дополняющих друг друга генов или атомов, ну в крайнем случае «пара гнедых, запряженных зарею». Но никак не дней, концертов или килограммов. Однако вытравить это из нашей речи уже к тому времени было невозможно, да и лично у меня, «и в хвост и в гриву», как и многие, пользовавшегося в обиходе это выражение, это скорее вызывало сочувственное понимание, что, мол, «Зиновий не прав, не догоняет», нежели осудительное чувство. Спустя «пару лет» я поймал себя уже на том, как режет слух слово «*волнительный*», от которого я готов взвыть. Тем не менее этим словом у современного человека начинается и исчерпывается порой весь эмоциональный вокабуляр. Ну, Паперный меня понял бы. И мы бы вволю поглумились по этому поводу (слово «постебались» он тогда еще не вполне освоил). И это был бы *волнующий*, но никак не *волнительный*, *волнабельный* или *волныческий* момент. *Волняпсицкий*. (Вот уже так и слышу, как он одобрительно хмыкнул. И даже *пару раз*.)

А как он смеялся? Я лично почему-то не могу припомнить его смех как таковой, он именно как-то по-особенному оценивающе хмыкал, издавал краткий заразительный хохоток, выражая удовольствие, иногда добавляя: «м-да... это хорошо». Но дорого же я отдал бы сегодня за это его «хм-м!..», по многим поводам.

Помните, как у него в псевдонаучной статье-пародии «В помощь смеющимся»? Сначала З.Паперный цитирует врача-психиатра, который в газете «Неделя» вполне серьезно писал: «...Смех начинается с глубокого вдоха, за которым следует выдох, происходящий отдельными порциями... Щель между голосовыми связками суживается и воздух, ритмически проталкиваясь через это узкое отверстие, порождает те самые отрывистые звуки (например: «Ха-ха-ха»)»... и т.д. После чего Зиновий Паперный резюмирует: «Поэтому, прежде чем смеяться, следует тщательно взвесить: а стоит ли ради этого ритмически

проталкивать воздух через узкое отверстие и порождать отрывистые звуки типа: «Ха-ха-ха» или «Хи-хи-хи».

Или: «...Что такое вообще реорганизация? Реорганизация - это превращение одной организации в другую, достигающее такой степени дезорганизации, при которой становится очевидным преимущество первой организации перед второй и необходимость новой реорганизации».

А его незабываемая блистательная пародия «Чего же он кочет?» на роман мало кому известного сегодня, глубоко идейного писателя В.Кочетова «Чего же ты хочешь»! Как мы зачитывались ее самиздатовскими копиями (вместе с пародией С.С. Смирнова на того же автора). Я, помнится, даже тайком их перепечатывал. (Дорого же стоили Паперному эти *пара* страничек!) И вот – прошло время, объект пародии практически никто не знает, а сама пародия живет, и тянет за собой в будущее оригинал. (Кстати, тоже - чем не *пара* – первоисточник и пародия на него? Ответ знает только Паперный.)

Помню, как на вечере в Доме Кино он зачитывал вслух какие-то мои фразы, и я поймал себя на том, что хохочу над ними от души вместе с залом, почти в полной уверенности, что они принадлежат перу самого Зиновия Паперного, и я слышу их впервые, - настолько они, будучи пропущены через его творческие фибры, осененные его харизмой, произнесенные его голосом, обретали новый смысл и делались как-то по-особому смешными.

Когда читаешь его прекрасные книги, статьи, пародии, трудно отделаться от ощущения, что слышишь автора, что он зачитывает их вам вслух.

Удивительно, что память сохранила во мне его целиком, а не по частям, оптом, а не в розницу. Я почти не помню отдельных фраз, острот, моментов общения, его конкретных замечаний, шуток или историй-воспоминаний, хотя подчас мы подолгу разговаривали по телефону, пили чай у него на даче, ходили на творческие вечера...

Вспоминается случай, рассказанный мне то ли им самим, то ли его давней приятельницей и коллегой, замечательной писательницей (писателем!) Лидией Борисовной Либединской.

Однажды, еще в 60-е годы прошлого века, относительно молодой по советским меркам, но уже заметный в литературных кругах Зиновий Паперный решил поздравить с 8-м марта Анну Андреевну Ахматову. Встав рано утром он, заранее волнуясь и предвкушая момент общения, еле дождался приличного часа, набрал заветный номер и выдал поздравительный монолог: что, мол, в этот праздничный весенний день, он безмерно счастлив и горд оказаться *первым*, кто поздравляет

великую поэтессу и прекрасную женщину с таким замечательным праздником - Международным женским днем 8-го марта... и хочет пожелать... и выразить... и т.д. и т.п.

После того, как он высказал все накопившееся по поводу этого большого радостного события, основы которого были заложены в пролетарском календаре еще Кларой Цеткин и Розой Люксембург, - в ответ последовала долгая, не предвещающая ничего хорошего пауза, и ледяным тоном Анна Андреевна произнесла: «Что ж, очень жаль. А я думала, Паперный, что вы интеллигентный человек...»
С тех пор Зиновий Самойлович, говорят, тоже несколько изменил свое отношение к этому празднику.

Закончить этот сеанс мемуарного спиритизма можно было бы цитатой из... - так и хочется сказать «нашего любимого именинника», 100-летие которого мы по непонятной причине отмечаем без него:

«...Живой человек с плохим настроением - это такой же абсурд, как мертвый человек с хорошим настроением!»

И поскольку для меня, как и для многих, Зиновий Паперный человек по-прежнему живой, присутствующий где-то рядом и сопровождающий по жизни, то подытожить хотелось бы пожеланием: «Хорошего настроения и доброго здоровья нам с вами, дорогой Зиновий Самойлович!»

И как хорошо, что Паперный был, есть и еще долго будет.

Не хотелось быть высокопарным. Просто хотелось быть чуть высокопаперным.